

«Кулаки» как результат властной номинации

Теоретические модели интерпретации социальной группы «кулаки» в отечественной историографии

В советской науке исследование социальных структур развивалось в рамках *структуралистского подхода* («ленинская методология классового анализа»), который доминирует и в современной литературе. Отказавшись от использования понятия «класс» в роли аналитической категории для изучения социального неравенства в постреволюционной деревне, историки-«объективисты» по-прежнему рассматривают категории социальной политики государства как теоретические слепки реальных социальных групп («кулаки»¹, «средняки», «бедняки»), как они понимались в 1920–1930-е гг.

Характер дискуссий о социальной структуре крестьянства, развернувшихся в отечественной литературе на рубеже 1980–1990-х гг., был сформулирован В.П. Даниловым: «что представлял собой бедняк, середняк и кулак в советской деревне: были ли они реальными социальными фигурами, или же мы имеем дело всего-навсего с идеологическими персонажами, мифами?».

¹ В современной литературе по-прежнему общепринятой является большевистская трактовка понятий «кулак» и «сельский эксплуататор» в качестве синонимов, утвердившаяся в отечественной литературе с 1930-х гг. См. подробнее: Доброноженко Г.Ф. Кто такой кулак: трактовка понятия «кулак» во второй половине XIX в. – 20-х годах XX в. // Стратификация в России: история и современность. Сыктывкар, 1999. С. 28-43.

Сторонники объективистского подхода, придерживаются мнения о дифференциации крестьянства на «социально различающиеся слои, среди которых были и эксплуатируемые, и эксплуатирующие»; «наличие в крестьянстве формирующегося эксплуататорского слоя – кулачества – факты истории», «кулак, середняк и батрак были реальными, а не мифическими фигурами»².

Для современных историков-«объективистов» неоспоримым является утверждение, что в основе идеи большевиков о бедняках и кулаках лежали в дополнении к социально-экономическим ярко выраженные политические критерии. Подчеркивается влияние субъективных факторов (идеологических установок партийно-государственного аппарата) на социальные сдвиги, искусственный характер вносимого в крестьянство расслоения, в результате чего происходило деформирование социальной структуры.

Активно обсуждается проблема признаков идентификации кулаков. Исследователи считают, что у государства не было ясных, четких критериев при определении социальных слоев, а сформулированные в законодательстве конца 1920-х гг. признаки кулацких хозяйств оцениваются как неопределенные и расширительные. При отсутствии однозначно интерпретируемых («объективных») признаков эксплуатации, к кулакам можно было отнести чуть ли не каждый третий крестьянский двор. При выявлении кулаков «всякие социально-экономические критерии отнесения к кулачеству были отброшены»; «возобладал сугубо политический взгляд на "кулака" как классового врага, который подлежит ликвидации»³.

² Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3. С. 33.

³ Солопов А.Н. Кого считали кулаком в 1924–1925 годах? // Трудные вопросы истории. М., 1991. С. 78-79; Данилов В.П., Красильников С.А. Вместо предисловия // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 гг. Новосибирск, 1992. С. 8; Савельев С.И. Раскулачивание: как это было в

В постсоветской историографии активно исследуется политика «ликвидации кулачества» и социальный облик группы «раскулаченные». Большинство историков полагает, что «кулачество как социально-имущественная группа крестьян» прекратили свое существование» к лету 1930 г.⁴ В 1931–1932 гг. «реально функционирующих кулацких хозяйств в деревне уже не было» и раскулачиванию подверглись зажиточные, середняки и бедняки. Термин «кулак» все больше терял социально-экономическое значение и превращался в политический жупел борьбы с крестьянством. Основным (иногда единственным) признаком кулака был политический – отношение к власти: «кулаком или подкулачником является тот, кто не хотел вступать в колхоз», «кулак становится скорее не реальным социальным персонажем, а мифической фигурой»⁵.

Нижне-Волжском крае. Саратов, 1994. С. 19; Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. Обсуждение книги Штефана Мерля «Аграрный рынок и новая политика. Зарождение государственного управления сельским хозяйством в Советском Союзе. 1925–1928 гг.» // Отечественная история. 1995. № 3. С. 118, 121; *Гущин Н.Я.* «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. С. 31; *Шумилов А.И.* Почему отсутствовало определение «кулак» в советско-партийных документах 1920-х гг.? // Сибирская деревня: история, современность, состояние, перспективы развития. Омск, 1998. С. 259; *Околотин В.С.* Власть и налоги. Иваново, 2002. С. 148 и др.

⁴ Высказывается мнение (все более популярное в последние годы), что сельские эксплуататоры были экспропрированы в ходе налоговых и заготовительных кампаний 1928–1929 гг., фактическое раскулачивание уже состоялось до официального провозглашения политики «ликвидация кулачества как класса» (*Данилов В.П., Красильников С.А.* Указ. соч. С. 9. См. также: Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянских хозяйств. 1930–1940 гг. Хроникально-документальный сборник. Новосибирск, 2000. С. 12; *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 19, 44).

⁵ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 189, 25; *Зеленин И.Е.* Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930–1932 гг.) // История СССР. 1990. № 6.

С 1933 г. политика «наступления на кулачество» переводилась в иную плоскость направлений и методов реализации. Меняется понятие «кулак», которое уже не соответствовало той категории сельских жителей, которые подвергались репрессиям в начале 1930-х гг.; к кулакам относили единоличников за срыв хлебозаготовок и других хозяйственно-политических кампаний. В научный оборот введен новый термин «неокулак»: «поскольку «классические "кулаки" к концу 1932 г. были практически уничтожены, срочно был выдуман "неокулак"»⁶.

Таким образом, общепринятым для сторонников объективистского подхода является утверждение, что в первой половине 1930-х гг. было раскулачено за «классовую принадлежность» к кулакам значительно больше крестьянских хозяйств, чем реально было в деревне сельских эксплуататоров, только незначительная часть из раскулаченных крестьян принадлежала к эксплуататорскому слою деревни⁷.

Явное противоречие между общепризнанным определением «кулак – сельский эксплуататор» и утверждением о раскулачивании крестьян, принадлежащих к разным социальным группам, сторонники объективистского подхода пытаются разрешить изменением терминологии. Исследователи берут в кавычки термины «кулак» и «раскулаченные». Иногда в работах историков, признающих существование эксплуататоров в доколхозной деревне, кавычки появляются уже при анализе из-

С. 33; он же. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 30; Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1995. № 3. С. 121 и др.

⁶ *Тепцов В.Н.* Правда о раскулачивании (Документальный очерк) // Кентавр. 1992. № 3-4. С. 55-56.

⁷ Напомню читателю, что и в советской литературе трактовка «социально-экономической категории», «ликвидированной как класс», была тесно связана с признанием факта раскулачивания «не только кулаков, но и середняков и даже бедняков».

менений в соотношении социальных групп в деревне и сокращении удельного веса эксплуататорских хозяйств в годы Гражданской войны; кавычки сохраняются при характеристике социального неравенства в нэповской деревне⁸.

Высказывается мнение о «правомерности» замены термина «раскулаченные» на «репрессированные» крестьяне⁹.

В последние годы исследователи используют вместо термина «кулак», по их мнению «относительно нейтральный», термин «зажиточный»¹⁰. Нормативно-правовые документы власти оцениваются как «специальные постановления о проведении репрессий против зажиточной части деревни»¹¹.

Нередко исследователи одновременно использует два термина: в одном случае говорится, что «в конце 20-х годов после XV партийного съезда, принявшего курс на усиление наступления на зажиточные слои деревни...», а в другом – «в 1928–1929 гг. в связи в провозглашенным XV съездом ВКП(б) курсом на коллективизацию и усиление наступления на кулачество...»¹².

Допустима ли замена термина «кулак» и можно ли считать, что термин «зажиточный» является «нейтральным»? Во-первых, использование нового термина подразумевает, что репрессиям за «классовую принадлежность» к кулакам подвергались преимущественно наиболее состоятельные, зажиточные хозяйства, что противоречит заключениям исследователей, использующих этот термин, о социальном составе раскулаченных

⁸ Гуцин Н.Я. Указ. соч. С. 17-18, 30, 32, 35.

⁹ Там же. С. 31; Красильников С. Серп и молот: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 9.

¹⁰ См. например: Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. (Землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С. 147, 163, 178.

¹¹ Ивницкий Н.А. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000. С. 129.

¹² Гуцин Н.Я. Указ. соч. С. 32, 42, 44.

(не только зажиточные, но и середняки и бедняки). Во-вторых, в институциональной политике 1929–1933 гг. присутствуют две группы единоличных хозяйств: «трудовые» (бедняцкие и середняцкие) и «нетрудовые (кулацкие и зажиточные).

В результате изменения терминологии происходит невероятная путаница в характеристике социального облика групп «кулаки» и «раскулаченные», налоговой и заготовительной политики в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Так, широко распространенным стал тезис об обложении сельхозналогом в индивидуальном порядке зажиточных крестьян¹³.

В исторической литературе (как советской, так и новейшей) «кулаки» и «зжиточные» не различаются и особенности институциональной политики в отношении этих двух групп не исследуются¹⁴.

Выделение в законодательстве и социальной практике двух отдельных социальных групп – «кулаки» и «зжиточные» – является серьезным аргументом в пользу тезиса о недопустимости замены термина «кулак» на «зжиточный».

Трактовка историками-«объективистами» социальной группы «кулаки» позволяет сделать следующие выводы:

1. Несомненна огромная заслуга историков-«объективистов», особенно поколения «шестидесятников»

¹³ В нормативных документах указывалось, что кулацкими должны признаваться «хозяйства, облагаемые сельхозналогом в индивидуальном порядке», а зажиточными – «крестьянские хозяйства, облагаемый доход которых исчисляется для взимания единого с/х налога с определенной процентной надбавкой». После отмены процентной надбавки (в 1932–1933 гг.) признаки зажиточных хозяйств устанавливались региональными органами власти.

¹⁴ Единственный из известных автору статьи историков, который проводил различие между кулаками и зажиточными – Ю.А. Мошков (Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1928–1932 гг.). М., 1966. С. 176). Характеристика признаков зажиточных хозяйств в законодательстве и социальной практике приведена в монографии автора статьи (Кулак как объект социальной политики в 20-е – первой половине 30-х годов XX века. СПб., 2008. С. 343–347, 417–422, 595–599, 606–608, 623–632).

(Н.А. Ивницкий, В.П. Данилов, И.Е. Зеленин, Н.Я. Гущин) во введении в научный оборот огромного эмпирического материала, который перевернул наше представление на историю российского крестьянства;

2. Новые оценки социального облика группы, репрессированной за «классовую принадлежность» к кулакам, не укладываются в традиционную схему «кулаки как социальный слой сельских эксплуататоров». Социальные рамки группы «кулачество», подлежащей ликвидации как «класс», были значительно шире рамок категории «сельские эксплуататоры». Раскулачивали «другие социальные группы крестьянства».

Следовательно, термином «кулак» исследователи-объективисты называют две разные по своему социальному составу группы: в 1920-е кулаки – это сельские эксплуататоры; а в первой половине 1930-х гг. – трудовые крестьяне.

3. Противоречие между новым фактическим материалом и объективистской концепцией и пытаются (не осознанно!) разрешить историки, используя новую терминологию. «Состояние терминологической неопределенности, – как справедливо замечает С.А. Красильников, – есть отражение неопределенности концептуальной»¹⁵;

4) Современное состояние с используемой системой терминов и понятий свидетельствует, что произошло накопление критической массы нового исторического материала, когда требуется переосмысление объективистского подхода. Старая концепция на новых материалах «не работает»;

Противоречие между традиционной трактовкой социальной группы «кулаки» и новыми данными о масштабах репрессий в деревне за «классовую принадлежность» к кулакам, приводит к возникновению **конструктивистской позиции**, возникновение которого исследователи-«объективисты» объясняют

¹⁵ Красильников С.А. Указ. соч. С. 27.

стремлением историков «отмежеваться от пресловутого "классового подхода"». И.Е. Зеленин, критикуя ученых, пытающихся «сконструировать иные принципы выделения групп и слоев доколхозной деревни», пишет: «не надо путать объективные исторические процессы и идеологические установки политической элиты»¹⁶. В приведенной цитате сформулировано четкое противопоставление двух подходов к анализу социального неравенства – объективистского и констрuktивистского.

Историки-«конструктивисты» утверждают, что после массового раскулачивания 1918–1919 гг. никакой сельской буржуазии не существовало, крупное кулацкое производство отсутствовало, и «увидеть в деревне класс кулаков можно только при очень большом желании и богатом воображении»¹⁷. «Кулаки» в послереволюционный период – это идеологический персонаж, миф, созданный в большевистской идеологии¹⁸.

В период проведения политики «ликвидация кулачества как класса» репрессии были направлены против широких слоев крестьянства и основным критерием отнесении крестьян к ку-

¹⁶ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. Обсуждение книги Теодора Шанина «Определяя крестьянство» // Отечественная история. 1993. № 2. С. 23; Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. Обсуждение книги Эрика Вульфа «Крестьяне» // Там же. № 6. С. 101.

¹⁷ Отметим особенность публикаций историков-«конструктивистов»: утверждение об отсутствии в деревне 1920-х гг. сельских эксплуататоров «доказывается» преимущественно высказываниями крестьян и сельских активистов, что «у них в деревне кулаков нет».

¹⁸ *Рянский Л.М., Бочаров А.Н., Травина А.С.* Курская деревня в 1920–30-х годах. Коллективизация. Курск, 1993. С. 9; *Загоровский П.В.* Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. 1928–1934 гг. Воронеж, 1995. С. 67–68; *Таранин А.Б., Угроватов А.П.* Дума о кулаке. Кулачество в общественном сознании и политике 20-х годов // ЭКО. 1997. № 1. С. 194; *Куреньшев А.А.* Крестьянство России в период войны и революции 1917–1920 гг. (историографические аспекты) // Вопросы истории. 1999. № 4-5. С. 154; *Климин И.И.* Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927 гг.). Часть 1. СПб., 2007. С. 149.

лакам (помимо имущественного) был политический признак («отношение к власти»).

Следовательно, при всех различиях в оценках социального неравенства в 1920-е годы, позиции сторонников двух теоретических подходов, оцениваемые ими как противоположные и несовместимые, сходятся при трактовке социальной группы крестьян, репрессированной за социальный статус «кулак».

Авторская концептуальная модель к трактовке социальной группы «кулаки» основывается на следующих ключевых положениях:

1. Не вызывает сомнения, что в периоды открытого противостояния власти и крестьянства (в годы военного коммунизма и коллективизации) количество крестьян, получивших клеймо «кулак», значительно превышало официальную статистику сельских эксплуататоров. Под лозунгом борьбы с сельской буржуазией власть вела борьбу с другой социальной группой и по качественным, и по количественным критериям.

Социальные рамки группы «кулаки» как объекта политики советского государства были значительно шире социальных рамок официально декларируемой социальной категории «кулаки» как «сельские эксплуататоры».

2. Необходимо отказаться от определения терминов «кулак» и «сельские эксплуататоры» как синонимов и рассматривать проблему «кулаки» в другом исследовательском поле.

«Кулаки» – это социальная группа крестьян, подвергавшаяся дискриминации и репрессиям по социально-политическим мотивам.

В современной кратологии одной из основных особенностей власти признается способность властной номинации конструировать социальный мир и создавать новые социальные структуры. Власть «является источником (если не всех, то большинства) социальных преобразований, осознанного проек-

тирования и корректировки общественных отношений». В этом смысле власть является «не просто регулятором, но и конструктором социальности, средством преобразования социального (политического) пространства», «она творит новые отношения, она конструирует социальный мир, модифицируя социальное пространство»¹⁹.

Важную структурирующую функцию в формировании новых отношений выполняет властная номинация элементов социальной структуры (публичное и официальное название соответствующих отношений). Властная номинация, даже если она носит сугубо субъективный характер и имеет под собой в качестве основания лишь фальсификацию (намеренную или ненамеренную), способна конструировать социальный мир и создавать новые социальные структуры. Чем больше и неограниченнее власть государства, тем значительнее роль его номинации²⁰.

В основе социального конструирования в постреволюционной России/СССР лежал большевистский идеологический проект, определявший цели («построение социализма»), «союзников» и «врагов» новой власти. Идеологические конструкции превращались в объективные социальные структуры, когда становились ориентиром в социальной политике государства, которая была направлена на повышение социального статуса групп, воспринимаемых как «лояльные», и понижение статуса (или ликвидацию) групп, оцениваемых как «враждебные».

¹⁹ Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2000. С. 92. См. также: Ледаев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001; «Технологии власти» (философско-политический анализ). М., 1995; Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М., 1995. С. 155-156; он же. Рациональность и властные отношения // Вопросы социологии. 1996. Вып. 6. Тематический выпуск «Рациональность и власть». С. 43-52.

²⁰ «При этом, – замечает В. Ильин, – совершенно не имеет значения соответствие этой картины реальности, поскольку химера, существующие в сознании диктатора, превращаются в реальные социальные конструкции» (Ильин В. И. Социальное неравенство. М., 2000. С. 142).

«Кулаки» как результат властной номинации

Социальная группа «кулаки» – один из наиболее ярких примеров как идеологический конструкт приобретает форму объективного социального существования.

Механизм социального конструирования государством группы «кулаки» включает следующие основные инструменты:

1) конструирование идеологемы «кулак» в программно-политических документах правящей партии; «кулаки» в большевистской теории – это социальная группа крестьян, которая была сконструирована по идейно-политическим критериям для устранения потенциальных и реальных противников политики власти в деревне;

2) создание социально-правовой модели группы «кулаки» с помощью законов и подзаконных актов, в которых конструируются социальные границы и социально-правовой статус группы;

3) социальная политика государства, направленная на превращение идеологического конструкта («класса на бумаге») в реальную социальную группу крестьян.

Новая концептуальная модель позволяет преодолеть существующее в отечественной историографии противоречие между традиционной трактовкой социальной группы «кулаки» и новыми представлениями о социальном облике группы крестьян, ликвидированной за социальный статус «кулак».

«Кулаки» как объект социальной политики советского государства

В коммунистической программе, объявившей одной из важнейших задач «диктатуры пролетариата» ликвидацию частной собственности и организацию крупного коллективного производства в сельском хозяйстве, образ крестьян-собственников («мелких буржуа») конструируется как «заклятых врагов всего, что отдает коммунизмом».

Это классическое марксистское положение определило характеристику «союзников» и «врагов» социализма в крестьянстве в программно-политических документах большевистской партии 1917 – начала 1918 гг. В борьбе за социализм союзником пролетариата, в представлении большевиков, может быть только класс пролетариев и полупролетариев (батраки и беднейшие крестьяне), только они признавались трудовым крестьянством. Все остальное крестьянство, крестьянин-собственник – это мелкобуржуазный класс, живущий за счет чужого труда²¹. При характеристике противников социализма произошла замена понятия «крестьянская буржуазия» на понятие «мелкобуржуазное крестьянство». Стратегическим врагом был объявлен крестьянин-собственник, крестьянин-хозяин. Следовательно, необходимо отказаться от устойчивого стереотипа отечественной историографии в характеристике «классового врага» в крестьянстве в большевистской теории (кулак – сельский эксплуататор).

В годы военного коммунизма большевики различают два типа крестьян-собственников по социально-политическому признаку: сторонники и противники новой политики в деревне. По логике большевиков, в условиях общенародной собственности на землю власть вправе распорядиться продукцией, произведенной крестьянином-земледельцем. Поэтому крестьянин, сопротивлявшийся государственной хлебной монополии, стал считаться «врагом экономических мероприятий Советской власти» и «эксплуататором трудового народа».

Для обозначения враждебно настроенной группы крестьян большевики с 1918 г. стали использовать термин «кулак», при-

²¹ Ленин выделяет в крестьянстве не три класса (бедняки, середняки, сельские эксплуататоры), как это принято считать, а два класса: «класс полупролетариев» (батраки и беднейшие крестьяне) и «мелкобуржуазный класс» (средние и зажиточные крестьяне) // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 24-25, 140, 165, 188, 248, 252, 272; Т. 36. С. 254, 255, 265, 294, 298.

«Кулаки» как результат властной номинации

нятый в крестьянском лексиконе для негативной оценочной характеристики односельчан, а поэтому и наиболее оптимальный в пропагандистском отношении. Категория обыденного крестьянского сознания интегрируется в марксистскую категорию классового анализа. В общественном сознании формируется негативный имидж «врага» в виде хорошо известного плакатного кулака в зверином облики. Идеологема «кулак» стала одним из важнейших инструментов манипулирования общественным сознанием.

Крестьянские волнения, охватившие страну и названные «кулацкими», заставили большевиков в 1919 г. внести существенные коррективы в характеристики классового деления крестьянства и вспомнить о забытой ими социальной группе «середняки». Теперь уже и середняки (а не только бедняки) признаются трудовым крестьянством. Основной социально-экономический признак середняка: он не применяет наемный труд и не эксплуатирует бедноту. Между тем, по-прежнему проводится дифференциация крестьянина-собственника по социально-политическому признаку: середняк, выполняющий требования новой власти – «наш союзник, наш друг, наш соратник»; тот, кто не делает этого, – по-прежнему «классовый враг»²².

Таким образом, большевики создали теоретическую модель «класса кулаки» и наделили его определенными социальными и политическими характеристиками.

Социальная политика в годы военного коммунизма была направлена на повышение политико-административными средствами социального статуса группы, воспринимаемой властью как лояльная (бедняки), и ликвидацию группы, названной враждебной (кулаки)²³. Важнейшую роль в конструировании

²² Там же. Т. 37. С. 191; Т. 38. С. 9, 14, 135, 136, 146, 156, 196, 200, 236, 255; Т. 39. С. 301; Т. 40. С. 198; Т. 41. С. 58; Т. 43. С. 60, 218.

²³ В период «хрущевской оттепели» в советской литературе высказывалось мнение (популярное в 1920-е годы, но чрезвычайно крамольное в

новых социальных отношений в деревне была призвана сыграть иницилируемая властью политика углубления расколов в крестьянстве и создания «классового конфликта», при этом активно использовались ранее сложившиеся в деревне противоречия между богатыми и бедными.

В результате политики «классового террора» в отношении массовой категории крестьян, идентифицируемых как «кулаки», теоретический конструкт («класс на бумаге») превращается в объективную социальную конструкцию. В социальной группе «кулаки», подвергавшейся дискриминации и репрессиям, были представители разных групп сельского населения, однако несомненно, что зажиточные крестьяне и сельские эксплуататоры в ней преобладали.

Одна из основных особенностей формирования социальной группы «кулаки» в годы военного коммунизма заключается в том, что большевики сконструировали теоретическую модель «класса» и перешли к политике репрессий против крестьян, получивших клеймо «кулак», не определив законодательно социальные границы и социально-правовую модель группы.

Новая экономическая политика формировалась как временное отступление от реализации партийной программы. Власть пошла на уступки крестьянину и установила «с этим последним капиталистическим классом» вынужденный (и главное – временный) союз. В программно-политических документах 1921–1927 гг. провозглашался принцип «классовой» социальной по-

последующие десятилетия), что советская власть со времен Октябрьской революции проводила политику «ликвидации кулачества как класса» (раскулачивания). В годы военного коммунизма и деятельности комбедов «были уничтожены основные отряды старого, дореволюционного кулачества» (*Трифонов И.Я., Овсянкин В.А.* Проблемы ликвидации эксплуататорских классов в СССР в советской историографии // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Ч. II. Л., 1967. С. 148)

«Кулаки» как результат властной номинации

литики в деревне, необходимость «учитывать классовые деления в деревне».

Законодательство, определяющее земельную правоспособность крестьянина, правовое регулирование арендных отношений и применения наемного труда, было направлено на недопущение использования земельного надела как источника нетрудовых доходов и расширения эксплуататорских отношений. Оно не связывало земельную правоспособность с социальным положением гражданина или с его избирательной правоспособностью, не предусматривало каких-либо существенных ограничений или дискриминации за социальный статус «сельский эксплуататор» («кулак»).

Характеристика законодательства о сельхозналоге показывает, что в начале нэпа налоговая политика решала фискальные, а не «классовые» задачи, размер налога зависел исключительно от величины дохода хозяйства. Элементы «классовости» появляются лишь с введением в 1925/1926 г. необлагаемого минимума для маломощных и усилением прогрессивности налогообложения для экономически крепких хозяйств. Законодательство не выделяло кулацкие (эксплуататорские) хозяйства в самостоятельную налоговую группу и не предусматривало особого порядка выплаты налога в зависимости от социального статуса.

Нормативно-правовая база, регламентирующая условия предоставления государственного кредита, до 1925 г. не содержала каких-либо указаний на различие в условиях кредитования в зависимости от социальной принадлежности. Принцип кредитования по социальным категориям крестьян был провозглашен в программно-политических документах в 1925 г., однако дифференциация условий предоставления кредитов по «классовому» признаку в законодательстве так и не была проведена до 1928 г.

Представляется необходимым отказаться от общепринятого в отечественной историографии утверждения о прямой «классовой» направленности социальной политики нэповского периода против кулацких (эксплуататорских) хозяйств. Социальная политика была направлена на регулирование социально-экономических процессов, ограничение, недопущение усиления капиталистического уклада. Объектом ограничительной политики были социальные отношения, а не конкретные лица за социальную принадлежность к кулакам²⁴. Этим во многом объясняется отсутствие в законодательстве критериев идентификации кулаков и законодательного закрепления его социально-правового статуса. «Кулаки» как самостоятельная социальная группа не была юридически оформлена и не имела четких социальных границ.

В 1920-е гг. ярко проявилось несоответствие между прямой «классовой» направленностью социальной политики против кулацких (эксплуататорских) хозяйств, определенной в программно-политических документах, и реализацией ее в правовую норму и политическую практику. Причину нереализованности партийных лозунгов следует искать во внутренней противоречивости нэповской политики в деревне.

Социальная политика большевиков была обречена на поиск «золотой середины» между политической доктриной и экономической целесообразностью. Первая требовала не допустить, или, по крайней мере, ограничить возрождение эксплуататорских хозяйств. Вторая – увеличить производство сельскохозяйственной продукции, что в условиях нэповской экономики было возможно только на основе укрепления частного индивидуального крестьянского хозяйства, а, следовательно, и перехода

²⁴ Прямые правовые ограничения в 1920-е гг. были связаны главным образом с избирательной правоспособностью (ограничения в участии «лишенцев» в деятельности различных видов кооперации). Социальные поля «лишенцев» и «сельских эксплуататоров» пересекались, но не совпадали.

«Кулаки» как результат властной номинации

значительной их части в разряд «зажиточных» и неизбежного движения, с точки зрения партии, в «кулацком направлении».

На протяжении нэповского периода большевикам приходилось считаться с экономической целесообразностью, которая стала одним из важнейших ограничителей для реализации «классовой» политики в деревне.

В условиях «чрезвычайщины» конца 1920-х гг. впервые со времен Гражданской войны в программно-политических документах кулак конструируется не только как сельский эксплуататор бедноты, но и как «враг экономической политики Советской власти»²⁵.

На страницах газет формируется образ кулака как «злейшего врага социалистического строительства» («трудового народа»), ведется активная пропаганда против кулака, «который притаился, выжидает и приспособливается» и «в ближайшее время организовано выступит против Советской власти»²⁶.

В 1928–1929 гг. в законодательстве впервые были сконструированы социальные границы группы «кулаки» и определен механизм отбора крестьян, попадающих в эту часть социального пространства.

В современной историографии популярны два утверждения, которые требуют уточнения и корректировки: четкие, однозначно интерпретируемые «объективные классовые критерии» определения кулацких хозяйств, «к которым стремились большевики», не были найдены; политические признаки являлись

²⁵ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы / Под редакцией В. Данилова и др. Т. 1. М., 1999. С. 292.

²⁶ Осадить кулака // Правда. 1928. 16 февраля; В атаку против классового врага // Правда. 1928. 29 ноября; Кулацкое лицо // Крестьянская газета. 1928. 28 февраля; Кулак ловчится // Беднота. 1928. 28 апреля; Кулак приспособливается, выжидает, приспособливается (обзор писем в журнал) // Деревенский коммунист. 1928. № 1.

результатом неопределенности социально-экономических признаков²⁷.

В законодательстве о сельхозналоге на 1928/29 г. выделяются две новые группы налогоплательщиков: выплачивающие налог с процентной надбавкой (зажиточные) и в индивидуальном порядке (эксплуататорские, кулацкие). В самой общей форме в нормативных документах наркомфинов СССР и РСФСР был приведен перечень признаков кулацких хозяйств и определены контрольные задания по их выявлению (от 1 до 5% от общего числа крестьянских хозяйств в зависимости от экономических особенностей регионов)²⁸.

Первые итоги проведения кампании по выявлению кулаков (лето 1928 г.) показали, что, при непонимании местными работниками нового метода обложения и субъективного подхода к определению социальной принадлежности, к кулацким относились зажиточные и середняцкие хозяйства. Особенностью проверочной кампании 1928 г., отличающей ее от всех последующих, было не выявление новых кулаков, а исключение хозяйств, не имеющих эксплуататорских доходов. В результате численность хозяйств, признанных кулацкими, сократилась по стране в целом с 405 тыс. (1,6% всех хозяйств) до 220 тыс. (0,89%)²⁹.

²⁷ *Солопов А.* Указ. соч. С. 83-100; *Савельев С.И.* Указ. соч. С.19; Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. Обсуждение книги Штефана Мерля «Аграрный рынок и новая политика. Зарождение государственного управления сельским хозяйством в Советском Союзе. 1925–1928 гг.»... С. 101-135; *Самосудов В.М.* Современная отечественная историография коллективизации (1980-е – середина 90-х годов). Омск, 1998. С. 54; *Околотин В.* Указ. соч. С. 148-149 и др.

²⁸ *Собрание законов (СЗ) СССР.* 1928. № 24. Ст. 212; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733 (Народный комиссариат финансов СССР). Оп. 5. Д. 761. Л. 114-115, 196.

²⁹ Рассчитано: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 191. Л. 2, 9-10, 52; Оп. 12. Д. 546. Л. 54.

«Кулаки» как результат властной номинации

Положение о сельхозналоге на 1929/30 г. выделяло две группы кулаков: «явно кулацкие хозяйства», которые облагались налогом на общих с трудовыми хозяйствами основаниях, но лишались предусмотренных законодательством льгот, и «наиболее богатые», выплачивающие налог в индивидуальном порядке (не менее 2 и не более 3% всех крестьянских хозяйств)³⁰.

Установление признаков «явно кулацких хозяйств» (в союзном законодательстве они были сформулированы в самой общей форме) относилось к компетенции союзных республик.

Критерии идентификации «наиболее богатых» кулацких хозяйств были определены в законодательстве о сельхозналоге. В документах центральных финансовых органов разъяснялись такие наиболее распространенные эксплуататорские признаки, как применение наемного труда, скупка и торговля. Определялся также ряд существенных ограничений в их трактовке. Во-первых, оговаривался срок действия нетрудовых доходов (предшествующий окладный год): хозяйства, имеющие нетрудовые доходы до мая 1928 г., индивидуальному обложению не подлежали. Во-вторых, указывался ограничительный минимум размера дохода, ниже которого хозяйство не могло облагаться налогом в индивидуальном порядке (500 руб., в том числе нетрудовой доход – более 125-150 руб.). В-третьих, в постановлениях местных исполкомов оговаривались количественные ограничители и по другим эксплуататорским признакам, в том числе за применение наемного труда. Предоставив краевым и областным исполкомам право вносить изменения в перечень признаков «применительно к особенностям отдельных районов», директивы центральных финансовых органов в начальный период налоговой кампании предупреждали о недопусти-

³⁰ СЗ СССР. 1929. № 12. Ст. 103.

мости чрезмерного их расширения и дополнения, чтобы не допустить повторения ошибок предыдущего года³¹.

В обязательных постановлениях о признаках кулацких хозяйств многих региональных органов управления, а в налоговой практике повсеместно (особенно с осени 1929 г.), установленные законодательством две категории кулаков фактически не выделялись, и все хозяйства, признанные эксплуататорскими, облагались налогом в индивидуальном порядке.

Итоги проведения учетной кампании (май-июль 1929 г.) показали невыполнение минимальных заданий по выявлению 2% кулацких хозяйств в большинстве регионов страны. В основных зерновых районах РСФСР количество выявленных кулацких хозяйств колебалось в пределах от 1,1 до 1,7%, в незерновых – от 0,4 до 1,2%³². Сформулированные в законодательстве четкие и достаточно однозначные эксплуататорские признаки и требования их строго соблюдения являлись существенным ограничителем в выявлении кулацких хозяйств. Позволяя выявлять эксплуататоров (их было в деревне очень мало), они ограничивали возможности выявления крестьян, с точки зрения власти «враждебно настроенных к экономической политике».

В сентябре-октябре 1929 г. секретными директивами НКФ СССР вносятся изменения в нормативно-правовую базу, регламентирующую эксплуататорские признаки, с целью устранения «всех формальных моментов, которые в малейшей степени препятствовали полному выявлению кулацких хозяйств». В конце сентября 1929 г. НКФ СССР отменил установленный весной минимальный суммовый признак дохода, при наличии которого допускалось облагать хозяйство сельхозналогом в индивидуальном порядке. Местным исполкомам предписывается внести изменения в обязательные постановления: расши-

³¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 7. Д. 271. Л. 53-57; Д. 274. Л. 1-22; Д. 275. Л. 287, .301-301 об, 309 об.

³² Там же. Оп. 8. Д. 191. Л. 89.

ритель признаки, служащие для определения кулацких хозяйств, и пересмотреть (или отменить) установленные ранее количественные ограничители, в том числе и по признаку «применение наемного труда». НКФ СССР потребовал привлекать к обложению в индивидуальном порядке все кулацкие хозяйства, имеющие один из признаков, вне зависимости от размеров дохода (в том числе и нетрудового) или наемного труда³³.

С осени 1929 г. региональные органы управления в директивах, а местные работники в своей практической работе по выявлению кулаков руководствовались не нормативно-правовой базой первой половины 1929 г., а новыми секретными директивами центральных финансовых ведомств.

Отмена основных ограничений в трактовке эксплуататорских признаков устранила существовавшие ранее серьезные препятствия и позволила определять «классовое лицо» по политическим критериям, формально подкрепляя их социально-экономическими. Таким образом, была создана необходимая «правовая» база для превращения «кулаков» из социально-экономической группы сельских эксплуататоров в социально-политическую группу «врагов».

По итогам налоговой кампании 1929/30 г. (май 1930 г.) в стране было выявлено 706,6 тыс. хозяйств или 2,8% (напомним, в 1928/29 г. – 220 тыс. или 0,89%)³⁴.

В законодательстве 1928–1929 гг. был сконструирован социально-правовой статус группы «кулаки». Новое законода-

³³ Циркуляры НКФ СССР от 24 сентября и 27 сентября. о пересмотре установленных предельных размеров облагаемого дохода, служащих признаком для обложения в индивидуальном порядке, 7 октября 1929 г. о выявлении кулацких хозяйств (РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 7. Д. 275. Л. 280; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А–411 (Народный комиссариат финансов РФ). Оп. 16. Д. 1. Л. 86; Областное государственное учреждение «Государственный архив Архангельской области» (ОГУ «ГААО»). Ф. 910 (Финансовое управление при Севкрайисполкоме). Оп. 1. Д. 309. Д. 38).

³⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 191. Л. 30.

тельство предусматривало применение дискриминационных мер в отношении кулаков: ограничение прав на пользование землей, сдачу ее в аренду и применение наемного труда, введение запрета на кредитование и приобретение сельхозорудий и машин, на вступление в колхоз, введение особого порядка выполнения государственных заданий и повинностей.

Создается законодательная база репрессий в судебном и административном порядке. Особенность нормативно-правовой базы репрессий по решению судебных органов состояла в том, что УК РСФСР 1926 г. и новые редакции статей, принятые в 1927–1929 гг., не предусматривали каких-либо различий в наказаниях за социальный статус. Особые меры социальной защиты и особый порядок возбуждения уголовного преследования в отношении кулаков определялись в секретных подзаконных актах НКЮ и Верховного суда РСФСР³⁵. Органы юстиции должны были руководствоваться не соображениями формально-юридического характера (статьями УК РСФСР 1926 г. и новыми редакциями статей), а главным образом «теневым законодательством», регламентирующим «классовый подход».

Существенные изменения были внесены в порядок применения репрессий по решению административных органов. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов» от 28 июня 1929 г. была узаконена конфискация имущества крестьян по решению сельского совета за невыплату налоговых платежей³⁶; постановлениями ЦИК и СНК СССР от 27 сентября и 14 ноября 1929 г. были внесены изменения в положение 1925 г. о взимании налогов и

³⁵ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого. М., 1989. С. 21; Трагедия советской деревни ... Т. 1. С. 778; *Стецковский Ю.* История советских репрессий. Т. 1. М., 1997. С. 124 и др.

³⁶ Собрание узаконений (СУ) РСФСР. 1929. № 60. С. 589.

определены особые условия конфискации имущества кулаков³⁷. Законы, принятые во второй половине 1929 г., дали правовые основания для полной экспроприации кулацких хозяйств.

В репрессивной политике государства в отношении крестьян, отнесенных к кулакам, можно выделить два этапа. В 1928 г. – первой половине 1929 г. применяются репрессии по решению судебных органов за невыполнение заданий по заготовкам и налогам (штраф, конфискация имущества, принудительные работы и лишение свободы), и привлечение крестьян органами прокуратуры и суда, ОГПУ по «контрреволюционным преступлениям» (конфискация имущества, лишение свободы, расстрел). С лета-осени 1929 г. в дополнение к репрессиям в судебном порядке начинается массовая экспроприация кулацких хозяйств по решению органов исполнительной власти за невыполнение государственных повинностей.

Таким образом, в конце 1920-х гг. с определением в законодательстве признаков социальной идентичности кулаков и механизма отбора крестьян, попадающих в эту часть социального пространства, конструированием нового правового статуса группы, объектом политики становятся конкретные лица. Особенность дискриминационных ограничений и репрессий к кулакам, которые носят политический характер, состояла в том, что в конце 1920-х гг. они применялись за индивидуальный статус («кулак»), а не за принадлежность к групповой статусной позиции («кулаки»).

В конце 1929 г. власть объявила о переходе к реализации главной стратегической задачи, определенной большевистской теорией, – ликвидация «класса единоличное крестьянство» и создание «класса колхозное крестьянство». На первом этапе (1930–1932 гг.) реализация этой задачи шла под лозунгом «ликвидация кулачества как класса». В официальном названии

³⁷ СЗ СССР. 1929. № 64. С. 593; № 71. Ст. 672.

политики определены ее основная цель и особенность – ликвидации за групповой «классовой» статус подлежали хозяйства, признанные кулацкими.

Репрессии в отношении кулаков осуществлялись как во внесудебном порядке (органами исполнительной власти и ОГПУ), так и по решению судебных органов.

В нормативных документах, определяющих применение внесудебных репрессий, по степени оппозиционности политике коллективизации кулаки были разделены на три группы (категории); приписывание крестьянина к одной из групп определяло формы применяемых репрессий (раскулачивание, выселение, расстрел). Первая группа – «контрреволюционный кулацкий актив» («махровые и активные, противодействующие и срывающие мероприятия партии и власти по социалистической реконструкции хозяйства») и наиболее богатые земельные собственники и ростовщики, вторая – «остальные элементы кулацкого актива» («местные кулацкие авторитеты и весь кулацкий кадр, из которого формируется контрреволюционный актив») и богатые кулаки, третья – «все оставшиеся кулаки». Таким образом, «кулаки» – это особая группа крестьян, в которую официально приписывали на основе политического и социального признаков.

Определенные властью социальные границы группы «кулаки» (контрольные задания), подлежащей ликвидации к лету 1930 г. только внесудебными органами в основных зерновых регионах (3–5%), в два раза превышали официальную статистику сельских эксплуататоров к началу коллективизации (от 1,2 до 2,5% по разным районам).

С 1930 г. были расширены права органов исполнительной власти на применение репрессий. Основанием для применения репрессий в форме конфискации имущества теперь уже было не только невыполнение заданий по заготовкам и невыплата налогов, но и «хищнический убой скота», распродажа имуще-

ства и «самовольное» переселение кулацкой семьи и пр. Фактически это позволяло раскулачить любую семью, внесенную в «кулацкие» списки. В дополнение к уже существующему праву на конфискацию имущества, органы исполнительной власти получили и право принимать решение о выселении раскулаченных семей.

Ликвидация первой категории (заключение в концлагерь или расстрел) и выселение второй категории возлагались на органы ОГПУ.

Особенность внесудебных репрессий состояла в том, что достаточным основанием для их применения был сам факт идентификации крестьянского хозяйства как кулацкого; репрессии применялись не за индивидуальный статус («кулак»), а за принадлежность к социальной группе «кулаки».

С объявлением политики «ликвидация кулачества как класса» коренным образом изменился и политический контекст, в котором функционировала советское правосудие. Стремление большевиков использовать уголовное наказание в качестве важнейшего оружия в развернувшейся войне против крестьянства, определило новое построение уголовного права в соответствии с принципом усмотрения, предусматривающим широкий диапазон применяемых санкций, и принципом дискриминации по «классовому» признаку.

Новые редакции статей УК РСФСР 1926 г., установили, что в отношении кулаков для применения репрессий не требовалось обязательного предварительного административного воздействия, ввели новые виды преступлений, отражающие политические приоритеты власти (убой крестьянином собственного скота, продажа произведенной продукции на рынке) и особые меры социальной защиты³⁸.

³⁸ 20 января 1930 г. была принята новая редакция ст. 79 УК РСФСР 1926 г. (СУ РСФСР. 1930. № 3. Ст. 26); 30 марта 1930 г. – ст. 60 (Там же. № 16. Ст. 192), 15 февраля 1931 г. – ст. 61 (Там же. 1931. № 9. Ст. 102), 10 ноября 1932 г. – ст. 107 (Там же. 1932. № 87. Ст. 385).

Уголовное законодательство позволяло политизировать практически любое преступление, совершенное «классовым врагом», и перекалфицировать обычное уголовное обвинение в «контрреволюционное».

Одна из особенностей судебной политики в отношении кулаков – отказ от следования процессуальным нормам и стандартам системы доказательств без проведения синхронных изменений в Уголовно-процессуальном кодексе. Требования проведения молниеносного следствия, суда на месте и обязательного осуждения «классового врага» были сформулированы в секретных директивах органов юстиции. Работники судов и прокуратуры в своей повседневной работе руководствовались лозунгом «Минимум формы и максимум классового содержания в судебных делах, где речь идет о врагах нашего класса»³⁹.

Отметим отличия в применении внесудебных и судебных репрессий при проведении политики «ликвидация кулачества как класса».

Во-первых, депортации раскулаченных по решению административных органов, носили списочный (то есть были направлены не на конкретное лицо, а социальную группу, отвечающую заданным сверху критериям), семейный и бессрочный характер. Административная депортация была вне компетенции правового поля советского судопроизводства и регламентировалась общеизвестными нормативными документами партийных и советских органов, карательными актами ОГПУ (постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г., приказ ОГПУ № 44/21 о «ликвидации контрреволюционного кулацкого актива и выселении кулаков и их семей» от 2 февраля, секретная инструкция ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков» от 4 февраля).

Ссылка как мера уголовной репрессии регламентировалась постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О высылке и ссылке,

³⁹ Социалистическая юстиция. 1930. № 1. С. 1-2.

применяемых по судебным приговорам» (10 января 1930 г.) и специальными директивами НКВД и ГУМЗ⁴⁰ (12-13 февраля 1930 г.)⁴¹. Судебная ссылка применялась в отношении лица, приговоренного к этой форме наказания, и не затрагивала членов семьи осужденного; срок ссылки определялся приговором суда. С лета 1931 г. ссылке подлежали уже все члены семьи кулаков, находящихся под следствием или осужденных судами и органами ОГПУ (директива НКЮ РСФСР «О выселении осужденных или находящихся под следствием кулаков» от 21 июля 1931 г.)⁴².

Во-вторых, в отличие от полной конфискации всего имущества кулацкой семьи по решению органов исполнительной власти, по судебному приговору отчуждалось только имущество, принадлежащее осужденному (ст. 40 УК РСФСР 1926 г.). Однако секретными директивами допускалось применение конфискации всего имущества, даже если это противоречило «формальным, ныне существующим правовым нормам» (разъяснения Верховного суда РСФСР о порядке применения конфискации имущества по делам, в которых обвиняемыми являются кулаки, от 28 марта и 6 июля 1930 г.)⁴³.

К концу 1930 г., когда в стране было репрессировано подавляющее большинство кулаков⁴⁴, а единоличники ликвидировали традиционные «кулацкие» признаки (применение наемного труда, аренда земли, сдача в наем рабочего скота и сельхозинвентаря и пр.) необходимо было определить новые при-

⁴⁰ ГУМЗ – Главное Управление Местами Заключение.

⁴¹ Бюллетень НКВД. 1930. № 5. 69-70, 73-77.

⁴² Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг.: Документы и материалы / Науч. ред. Н.А. Ивницкий, В.Г. Макуров. Петрозаводск, 1991. С. 163-164.

⁴³ Судебная практика. 1930. № 6. С. 3-4; № 11. С. 1.

⁴⁴ Из 706,6 тыс. хозяйств, отнесенных к кулацким к маю 1930 г., к концу года было экспроприровано не менее 400 тыс., «самораскулачились» – 200-250 тыс. хозяйств (Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)... С. 121).

знаки эксплуатации, которыми обосновывались политические критерии, позволяя вполне «законно» выявлять кулацкие хозяйства.

В союзном законодательстве о сельхозналоге на 1931 г. впервые отсутствовал традиционный перечень эксплуататорских признаков, которые теперь устанавливались СНК союзных и автономных республик, а также краевыми и областными исполкомами. Это положение вошло и в законодательство 1932 г. В Положениях 1931 и 1932 гг. и инструкциях НКФ СССР отсутствовали количественные ограничительные критерии признаков кулаков. Единственное ограничение предусматривало начисление налога в индивидуальном порядке на хозяйства, которые имели признаки к моменту учета или в предшествующем окладном году⁴⁵.

Кардинально решить проблему выявления новых кулаков можно было двумя способами: отменить ограничение срока действия нетрудовых доходов и придумать новые признаки.

Региональные органы управления РСФСР изменили срок действия «кулацких» признаков, воспользовавшись отсутствием в постановлениях СНК РСФСР 1931 и 1932 гг. указаний на ограничение срока их учета предшествующим годом. В постановлениях региональных исполкомов в 1931 г. признаки учитывались на момент введения индивидуального обложения (1928/29 г.) или устанавливался год учета по каждому признаку. В 1932 г., как правило, указание на год учета признаков отсутствовало⁴⁶. С 1931 г. был введен новый признак, широко применявшийся в практике выявления кулаков с осени 1929 г., но официально не указанный в законодательстве: «наличие значи-

⁴⁵ СЗ СССР. 1931. № 19. Ст. 171; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 9. Д. 217. Л. 39-40; Оп. 10. Д. 326. Л. 28, 30; . 327. Л. 47, 49.

⁴⁶ СУ РСФСР. 1931. № 18. Ст. 188; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 182. Л. 66, 210; Оп. 10. Д. 316. Л. 206, 207, 207 об.

тельных материальных накоплений» в хозяйствах «бывших крупных торговцев, промышленников»⁴⁷.

Документы сельских налоговых комиссий показывают, что среди вновь выявленных в 1931–1932 гг. кулаков подавляющее большинство выплачивали налог в индивидуальном порядке по признаку «проживание на ранее полученные нетрудовые доходы». «Индивидуалами» становились крестьяне, имевшие признаки эксплуатации до революции, и их наследники.

Динамика выявления кулацких хозяйств по СССР характеризуются следующими данными: 1930/31 г. – 386,7 тыс. хозяйств (1,49%), 1931 г. – 229,1 тыс. хозяйств (0,87%), 1932 г. – 101,8 тыс. хозяйств (0,42%)⁴⁸.

Одна из дискуссионных в новейшей литературе проблем – количество репрессированных в ходе проведения политики «ликвидация кулачества как класса». В основе разногласия во мнениях исследователей – критерии, применяемые при определении группы «раскулаченные».

В.Н. Земсков в число раскулаченных (около 4 млн. человек) включает исключительно кулаков трех групп, в отношении которых применялись репрессии во внесудебном порядке⁴⁹. Если исходить из среднего состава кулацкой семьи (5–6 человек), раскулачено было 660–800 тыс. семей (2,6–3% всех крестьянских семей). Эта методика подсчета применялась и в советской статистике экспроприированных кулацких хозяйств, что и определило близость итоговых сведений (730 тыс. семей)⁵⁰.

⁴⁷ Этот признак будет включен в союзное законодательство в 1933 г.

⁴⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 191. Л. 30; Оп. 12. Д. 546. Л. 7, 54.

⁴⁹ 1-я группа – арест и осуждение; 2-я – выселение с отправкой на спецпоселение; 3-я – выселение без отправки на спецпоселение (Земсков В.Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР // СоцИс. 1995. № 9. С. 126–127).

⁵⁰ При характеристике «приблизительной картины ликвидации кулачества как класса» в советской литературе кроме категории экспроприированных кулацких хозяйств (730 тыс.) приводилась и статистика самораскулаченных хозяйств (200 тыс. хозяйств только в 1929/1930 г.), т.е. 930 тыс. или около

По мнению Н.А. Ивницкого в ходе коллективизации было раскулачено не менее 1 млн. крестьянских хозяйств (около 4%) с населением в 5-6 млн. человек. В статистические сведения исследователь совершенно справедливо включает не только раскулаченных административно-репрессивными методами, но и экспроприированных экономическими мерами (хотя источники сведений, явно заниженных, о раскулаченных репрессивным налогом и заданиями по заготовкам он не указывает)⁵¹.

Несомненно, что статистика репрессированных кулаков значительно превышает приведенные сведения. Во-первых, в доступных исследователям статистических сведениях фактически не учитываются репрессированные судебными органами. В судебной статистике по стране в целом, введенной в научный оборот, данные о социальном составе осужденных не приводятся и о масштабах репрессий в деревне можно лишь косвенно судить по резкому возрастанию общей численности осужденных в период проведения политики «ликвидация кулацких хозяйств». Сведения по отдельным регионам свидетельствуют о массовом характере судебных репрессий, причем в потребляющих районах они не уступали по масштабам внесудебным репрессиям трех групп кулаков. Во-вторых, отсутствует и обобщающая статистика такой категории раскулаченных, как хозяйства, экспроприированные за невыполнение государственных повинностей, но не подвергавшиеся в дальнейшем внесудебным или судебным репрессивным санкциям в виде ареста и ссылки.

Представляется, что более точными являются сведения о раскулаченных (хотя они и не подтверждены документально на

3,5% всех крестьянских хозяйств // Советское крестьянство. Краткий исторический очерк (1917–1969) / Под ред. В.П. Данилова и др. М., 1970. С. 239.

⁵¹ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)... С. 278.

«Кулаки» как результат властной номинации

общесоюзном материале⁵²), которые приводятся в исследованиях Д.А. Волкогонова (1,5-2 млн. или 6-8% хозяйств, 8,5-9 млн. человек⁵³), Н. Михайлова и Н. Тепцова (3 млн. или 11-12% хозяйств, более 20 млн. крестьян)⁵⁴.

После провозглашенного в конце 1932 г. завершения политики «ликвидация кулачества как класса» власть конструирует новый образ «врага» в деревне, который не исчез, а лишь изменил свое «классовое лицо». Помимо «недобитого кулака» появились «новые враги», выступающие против экономической политики власти. «Врагами» были объявлены единоличники, не выполняющие государственных заданий, «бывшие колхозники», исключенные из колхоза за «вредительскую работу»⁵⁵. За счет этих «антисоветских, антигосударственных элементов» расширились социальные границы группы «кулаки». Изменилась и трактовка «политической лояльности» власти: если в начале 1930-х годов – это главным образом готовность вступить в колхоз, то теперь – безропотное выполнение государственных заданий и повинностей.

⁵² Анализ автором статьи отчетов сельсоветов и райисполкомов, поименных списков кулаков с указанием примененных репрессий, сопоставление сведений о количестве крестьян, отнесенных к кулакам, и репрессированных по районам и округам, позволяют высказать предположение, что в Северном крае различные формы репрессий как в судебном, так и во внесудебном порядке были применены в отношении 6-9% крестьян.

⁵³ *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Кн. 1. Ч. 1. М., 1989. С. 1.

⁵⁴ *Михайлов Н., Тепцов Н.* Чрезвычайщина // Родина. 1989. № 8. С. 35.

⁵⁵ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М., 1952. С. 229-232; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1985. С. 21-29; XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 148; Документы свидетельствуют... С. 482-484

В документах региональных органов выделяется два типа единоличников: «трудящиеся, выполняющие свои обязательства перед государством», и «саботирующие» их бывшие бедняки и середняки («спекулянты», «контрреволюционная свора саботажников»). Единоличники, которые уклоняются от выполнения налогов и заданий, «по своим антисоветским тенденциям ничем не отличаются от кулака», и, следовательно, «борьба с этими антигосударственными элементами» должна быть как с «врагами Советского государства»⁵⁶.

Новая трактовка «классового врага» определила характер изменений, внесенных в 1933 г. в налоговое законодательство, и применяемые в социальной практике признаки социальной идентичности кулаков.

К основным «кулацким» признакам в 1933 г. были отнесены: 1) проживание «на ранее нажитые доходы» («бывший кулак» – сельский эксплуататор бедноты), 2) невыполнение государственных заданий и занятие спекуляцией, исключение из колхоза («новые типы» кулаков»). Из законодательства 1934-1935 гг. была исключена статья об отнесении к кулацким хозяйствам, «злостно не выполняющих заданных им планов посева и других установленных законом государственных обязательств». Существовавший порядок налогообложения кулацких хозяйств был отменен постановлением ЦИК и СНК СССР «О продлении действия Положения о сельхозналоге» от 20 июля 1936 г.⁵⁷

⁵⁶ Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (ГУРК «НАРК»). Ф. 1 (Коми областной комитет ВКП(б). Оп. 2. Д. 940. Л. 17; Д. 946. Л. 2-10, 14 об., 15, 132 об., 133 об.; Ф. 375 (Финансовый отдел Коми облисполкома). Оп. 1. Д. 608. Л. 15-16 и др..

⁵⁷ С принятием в декабре 1936 г. новой конституции, закрепившей положение об окончательном уничтожении «класса» сельских эксплуататоров, категория «кулаки» была исключена из законодательства как отдельная социально-правовая группа.

«Кулаки» как результат властной номинации

В налоговую кампанию 1933 г. в СССР было выявлено 85,9 тыс. кулацких хозяйств⁵⁸, в 1934 г. – 12,8, в 1935 г. – 9,1 тыс. хозяйств⁵⁹.

Документы сельских налоговых комиссий показывают фактически полное отсутствие хозяйств, впервые отнесенных к кулакам в 1933–1935 гг. на основании традиционных эксплуататорских признаков, обоснованных конкретными фактами эксплуатации после 1928 г. Применение наемного труда, аренды земли и средств производства, наличие промышленного заведения и пр. указывались в дополнение к новым признакам, установленным налоговым законодательством.

Подавляющее большинство вновь выявленных кулаков в 1933 г. имели признак: «невыполнение государственных обязательств». После отмены этого признака большая их часть (не репрессированных) вновь оказалась в списках 1934 и 1935 гг., и эксплуататорский характер (в дополнение к другим признакам) подтверждался невыполнением госпоставок. К кулакам относили за «проживание на ранее нажитые доходы» («дореволюционное прошлое»), «вычищенных» из колхозов и занимающихся «систематической спекуляцией». После исключения из законодательства осенью 1933 г. отдельной налоговой группы «зажиточные» почти все из них автоматически были записаны в списки кулаков. В протоколах налоговых комиссий, как правило, отсутствовали конкретные факты, подтверждающие наличие эксплуататорских признаков. При определении «классового лица» крестьянина в протоколах указывался, как и ранее, политический признак («относится к партии и Соввласти отри-

⁵⁸ Удельный вес кулацких дворов в связи с сокращением числа единоличников вырос за год с 0,95% до 1,1%. Следовательно, к обложению сельхозналогом в индивидуальном порядке были привлечены новые хозяйства, которые ранее облагались на общих основаниях (Глумная М.Н. Единоличное крестьянское хозяйство на Европейском Севере России в 1933–1937 гг. Дисс... канд. ист. наук. М., 1994. С. 111–112.)

⁵⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 13. Д. 593. Л. 1, 3.

цательно»; «настроение Соввласти противоположное»; «лояльным Соввласти не был»; «не является союзником Соввласти») ⁶⁰.

Многие крестьянские хозяйства, отнесенные к кулакам в 1933–1935 гг., в предыдущие годы уже побывали (иногда и несколько раз) в кулаках, причем подавляющее большинство из них были исключены из списков кулаков из-за отсутствия признаков эксплуатации. В 1933–1935 гг. у этих хозяйств были вновь обнаружены эксплуататорские признаки за счет новых, установленных законодательством признаков, а также в результате придумывания таких признаков, как «эксплуатация наемного труда», «закабаление бедноты путем ростовщичества», «сдача в аренду сельскохозяйственных угодий» и др.

Одной из основных форм дискриминации кулаков по-прежнему был особый порядок выполнения налоговых платежей. Для кулацких хозяйств в 1933 г. были введены твердые ставки сельхозналога, устанавливаемые с целью конфискации имущества неплательщиков за невыплату всех причитающихся с них обязательных денежных платежей. Самые маломощные кулацкие хозяйства (с доходом до 1000 руб.) должны были выплатить в 1933 г. 1750 руб. налоговых платежей, а в 1934 г. – с учетом единовременного налога – 2450 руб. Установленные законодательством налоговые ставки превышали не только «доходы», но денежные суммы, вырученные от продажи имущества. В документах финансовых органов признается, что и после продажи всего имущества кулаков остаются многотысячные оклады сельхозналога, что приводит «к образованию громадной, ничем не обеспеченной и заведомо нереальной недоимочности» ⁶¹.

⁶⁰ В формулировке протокола налоговых комиссий имелась специальная графа: «Лояльность к Советской власти» (или «выступает или не выступает против Советской власти»).

⁶¹ ГАРФ. Ф. А-411. Оп. 16. Д. 24. Л. 58; ГУРК «НАРК». Ф. 375. Оп. 1. Д. 608. Л. 69.

Кулакам определялись повышенные нормы сельхоззаготовок (полуторный или двойной размер к нормам «трудовых» единоличников в зависимости от видов заготовок).

В условиях общей политики наступления на единоличников, несмотря на сохранение антикулацкой риторики в прессе и выступлениях официальных лиц, лозунг «ликвидации кулачества» фактически сменяется лозунгом ликвидации «класса крестьян-единоличников»⁶².

Новая социальная направленность репрессий в деревне нашла отражение в изменении терминологии: если в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «индивидуалами» называли кулаков, то с 1933–1934 гг. – всех единоличников.

Наиболее действенным методом ликвидации хозяйств «трудовых» единоличников (в терминологии, применяемой до 1932–1933 гг., бедняцко-средняцких) было налогообложение, которое приобретает с 1934 г. реквизиционный характер. В документах региональных властных структур признается, что одним из способов «подведения единоличников под экспроприацию» было установление нереальных завышенных неземледельческих заработков и рыночных доходов, начисление налогов, в таких размерах, что при всем желании уплатить их крестьяне не могли. Фактически сельсоветы «встали на путь ликвидации трудовых единоличных хозяйств» и в результате такой политики «была распродана масса имущества крестьян»⁶³.

Ужесточаются карательные меры в отношении всех категорий единоличников за сокрытие имущества и невыполнение налоговых платежей. По действующему до 1932 г. законодательству за сокрытие имущества от налогового обложения кре-

⁶² Ильиных В.А. Политика раскрестьянивания советской деревни: налогообложение деревни в конце 1920 – начале 1940-х гг. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2002. С. 8.

⁶³ ГУРК «НАРК». Ф. 3 (Коми областной исполнительный комитет). Оп. 1. Д. 2469. Л. 42-42 об.

стьянин привлекался в первый раз к ответственности в административном порядке. В соответствии с «Положением о взыскании налогов и неналоговых платежей» (19 ноября 1932 г.) этот вид преступлений сразу преследовался в уголовном порядке⁶⁴. В сентябре 1934 г. постановлением ЦИК и СНК СССР «Об изменении действующего законодательства о взыскании налогов и неналоговых платежей» была отменена юридическая неприкосновенность имущества «трудовых» единоличников, ограждавшая их раньше от конфискации всего имущества⁶⁵.

Экспроприационный характер в отношении единоличников носит и заготовительная политика. В начале 1933 г. была изменена система заготовок сельхозпродукции и установлены имеющие силу налога твердые обязательства по сдаче продуктов по государственным ценам. Отмена «добровольных» принципов на основе «самообложения» и введение твердого государственного задания по своей сути означали превращение заданий по заготовкам в специфический государственный налог. К выполнению госпоставок привлекались все единоличники «независимо от их имущественного положения» и наличия сельскохозяйственных продуктов, по которым проводятся заготовки» (в том числе и безземельные, и не имеющие скота).

В 1933 г. были внесены изменения в законодательство, регламентирующее ответственность единоличников за невыполнение государственных заготовок: для всех единоличников (а не только кулаков) постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) 19 января 1933 г. «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами» было отменено обязательное применение административных мер за невыполнение натуральных поставок и установлена судебная ответственность по ст. 61 УК РСФСР⁶⁶.

⁶⁴ СЗ СССР. 1932. № 69. Ст. 410 а.

⁶⁵ Там же. 1934. № 48. Ст. 370.

⁶⁶ Там же. 1933. № 4. Ст. 25.

«Кулаки» как результат властной номинации

За невыполнение государственных повинностей применялись репрессии по решению органов исполнительной власти и судебным приговорам, в результате которых хозяйства экспроприировались, а трудоспособные единоличники привлекались к судебной ответственности.

Террор в отношении крестьян-собственников из избирательного (за социальную принадлежность к группе «кулаки») превращается в террор всеобщий (за принадлежность к группе «единоличники»).

В результате «социалистических преобразований сельского хозяйства» борьба со стратегическим «врагом социализма» – «классом мелкобуржуазное крестьянство» («крестьянином-хозяином», «крестьянином-собственником») – завершилась его полной ликвидацией и созданием нового «класса» – «колхозное крестьянство».